

DOI 10.35775/PSI.2025.119.7.025

УДК 32.327

А.С. ПАНИН

аспирант Дипломатической академии

МИД России, Россия, г. Москва

E-mail: alex24panin@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: СТРАТЕГИИ, ИНСТРУМЕНТЫ И ВЫЗОВЫ

Настоящее исследование представляет собой комплексный анализ цифровой дипломатии Китайской Народной Республики. В работе рассмотрены концептуальные основы, ключевые инструменты, стратегические цели и вызовы, связанные с использованием цифровых технологий КНР, используемые для продвижения своих внешнеполитических интересов. Особое внимание уделяется теоретическим подходам к пониманию цифровой дипломатии в китайском контексте, практическим примерам, включая деятельность в социальных сетях, цифровые инициативы в рамках «Пояса и пути», продвижение технологических стандартов, концепцию «киберсуверенитета». Особое внимание уделено стратегическим инициативам «Один пояс, один путь», «Цифрового шелкового пути», кибербезопасности и регулированию интернет-пространства. Делается вывод о перспективах и ограничениях китайской цифровой дипломатии на фоне глобальных изменений во внешнеполитической среде.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, КНР, публичная дипломатия, Цифровой шелковый путь, социальные сети, мягкая сила, глобальное управление интернетом.

Введение. Глобализация информационных потоков и стремительное развитие цифровых технологий радикально трансформировали ландшафт международных отношений и дипломатической практики. Возникновение «цифровой дипломатии» как нового измерения внешнеполитической деятельности стало ответом государств на эти вызовы и возможности. Под цифровой дипломатией понимается использование информационно-коммуникационных технологий и платформ, прежде всего сети интернет, социальных сетей, искусственного интеллекта и пр., для достижения дипломатических целей, включая установление диалога с иностранной аудиторией, формирование имиджа страны, продвижение политических и экономических интересов, управление кризисами и участие в глобальном управлении киберпространством [12. С. 53].

Китайская Народная Республика, будучи одновременно технологическим гигантом и восходящей глобальной державой с амбициозными внешнеполитическими целями, активно развивает и внедряет инструменты цифровой дипломатии. Для Китая цифровая дипломатия – это не просто техническая модернизация коммуникаций, а стратегический императив, вытекающий из концепции

«возрождения великой китайской нации» и стремления сформировать более благоприятную международную среду для своего развития [35. Р. 167-196]. Уникальность китайского подхода заключается в его двойственности: активное использование открытых цифровых платформ для глобального влияния сочетается с жестким контролем информационного пространства внутри страны и продвижением концепции национального «киберсуверенитета» на международной арене [34. Р. 207-216].

Цель данного исследования – выявить концептуальные основы цифровой дипломатии КНР, ее ключевые направления, инструменты, эффективность и противоречия. Для достижения данной цели автором предпринимается попытка анализа теоретических подходов к цифровой дипломатии и их специфики в китайском контексте, исследования стратегических целей и движущих сил цифровой дипломатии КНР, систематизации основных инструментов и практических воплощений китайской цифровой дипломатии.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и китайских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 8; 9; 10; 11; 13; 14; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22].

Однако проблему цифровой дипломатии КНР нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

1. Теоретические рамки и концептуальные основы цифровой дипломатии КНР. Цифровая дипломатия Китая базируется на широких концепциях внешней политики и национальной идентичности страны, а также в специфическом понимании роли информации и технологий.

Традиционно анализ внешнеполитических коммуникаций Китая фокусировался на концепции «мягкой силы», которую Китай активно адаптировал с начала 2000-х годов [15. С. 193]. Однако исследователи отмечают, что китайская практика часто выходит за рамки классической мягкой силы. В этой связи зарубежными, прежде всего, западными авторами, было введено понятие «острая сила», подразумевающего использование информационных инструментов для манипулирования и подавления враждебных нарративов за рубежом, часто через кооптацию или давление на институты принимающих стран [3. С. 186-202; 32]. Согласно оценке автора, цифровая дипломатия КНР демонстрирует элементы обоих подходов: продвижение позитивных образов культуры и развития как элемент мягкой силы сочетается с активным противодействием критике, цензурой контента на глобальных платформах и активным продвижением точки зрения КНР как элемента острой силы. Китайские ученые акцентируют роль цифровой дипломатии на «рассказывании китайской истории» и «донесении голоса Китая», что формально соответствует мягкой силе, но на практике подразумевает контролируемый нарратив.

Концепция «Киберсуверенитета» и национальная безопасность. Концепция «Киберсуверенитета» является краеугольным камнем китайского подхода к цифровой сфере, как внутренней, так и внешней. Китай решительно

отстаивает право каждого государства на контроль над интернетом и информационными потоками в пределах своих границ, отвергая концепцию «глобального открытого интернета» как угрозу национальной безопасности и социальной стабильности [25. Р. 85-100]. Эта концепция напрямую транслируется в цифровую дипломатию: КНР активно продвигает модель многостороннего управления интернетом под эгидой государств и использует дипломатические каналы для лоббирования международного признания киберсуверенитета как нормы. Власти КНР неоднократно заявляли, что «киберпространство не должно стать новым полем битвы, а киберсуверенитет стран должен быть уважаем» [28].

Развитие цифровых технологий рассматривается в Китае как вопрос национальной безопасности и глобальной конкурентоспособности. Проводимая политика «Инновации во имя независимости и самодостаточности» подчеркивает необходимость контролировать критические технологии [31]. Цифровая дипломатия становится инструментом продвижения китайских технологических стандартов, защиты интересов китайских технологических компаний за рубежом и противодействия ограничениям, вводимым другими странами по соображениям безопасности (как в случае с Huawei и ZTE) [26].

Китай позиционирует свои цифровые инициативы как вклад в построение «цифрового сообщества с единой судьбой», предлагая развивающимся странам доступ к технологиям и инфраструктуре, альтернативный западным моделям [24]. Цифровая дипломатия служит каналом для распространения этой концепции и политического укрепления КНР как, своего рода, технологического или, точнее сказать «цифрового» полюса.

Стратегические цели и движущие силы. Цифровая дипломатия КНР служит достижению комплекса взаимосвязанных стратегических целей. В их числе: формирование благоприятного имиджа Китая, продвижение внешнеполитической повестки дня, защита национальных интересов и безопасности, содействие экономическим интересам, расширение культурного влияния. Рассмотрим их подробнее.

Формирование благоприятного имиджа направлено на преодоление дискредитации и предвзятости западных медиа, представление Китая как ответственной, мирной, развивающейся державы, лидера в инновациях и глобальном развитии [31]. Акцент делается на экономических успехах, культурном наследии, вкладе в глобальное управление, особенно в период глобальных кризисов, таких как пандемия COVID-19, и мирном характере своего развития КНР.

Продвижение внешнеполитической повестки в части цифровой дипломатии сосредоточено на лоббировании поддержки ключевых инициатив, прежде всего, «Один пояс – один путь» и защиты позиции Китая по чувствительным вопросам, таким как проблемы территорий: Тайвань, Синьцзян, Южно-Китайское море, Гонконг. Цифровые каналы используются для объяснения позиции Пекина, противодействия «вмешательству во внутренние дела» и мобилизации поддержки среди зарубежной китайской диаспоры.

Западные авторы зачастую представляют цифровую дипломатию КНР как попытку осуществления контроля над нарративами, затрагивающими стабильность политического режима и территориальную целостность; противодействие тому, что воспринимается как «враждебные силы», пытающиеся осуществить «цветные революции» через интернет; сбор информации и анализ настроений за рубежом [27].

С чисто экономической повесткой КНР выступает для продвижения экспорта китайских технологий и цифровых услуг, привлечения инвестиций, защиты интересов китайских компаний на глобальных рынках, формирования благоприятной регуляторной среды для них [33].

Расширение культурного влияния достигается посредством продвижения китайского языка, культуры, традиционных и современных ценностей через цифровые платформы, онлайн-образование и средства массовой информации.

Инструменты и практические воплощения цифровой дипломатии КНР.

Китай использует широкий арсенал цифровых инструментов для достижения своих дипломатических целей. В их числе – дипломатия социальных сетей. Министерство иностранных дел КНР, китайские посольства и консульства по всему миру активно используют социальные сети, такие как Twitter, Facebook, YouTube, Instagram, несмотря на их блокировку внутри Китая, для распространения информации, ответов на критику, проведения брифингов в прямом эфире.

Хотелось бы остановиться на анализе соцсетей посольства КНР в России на платформах ВКонтакте и Telegram, а также официальном сайте Посольства КНР в России.

Сайт Посольства КНР в России очень информативен, наряду с основными политическими новостями страны на главной странице сайта также отображаются некоторые культурные мероприятия [6]. Обращает на себя внимание унификация основной новостной линейки, публикуемой на сайте Министерства иностранных дел КНР и Посольств страны [7], что подтверждает централизованный характер информационного потока с целью обеспечения отсутствия разночтений. Исследования показывают высокую степень координации между аккаунтами различных посольств и ведомств, использование схожих шаблонов и сообщений, особенно по чувствительным темам, что снижает воспринимаемую аутентичность.

Также бросается в глаза множество статей, написанных Послом Китая в России Чжан Ханьхуэйем, что показывает вовлеченность и осведомленность Посольства о политической ситуации в стране. Сайт имеет официальную направленность, связанную с непосредственной деятельностью Посольства.

Сайт выполняет функцию объяснения и донесения китайских ценностей до иностранной аудитории, так как включает основные статьи о внешнеполитической позиции КНР по различным вопросам в мире. В частности, характерным примером является статья на сайте Посольства о заявлении официального представителя МИД Китая: «США не следует указывать Пекину, что такое уважать суверенитет и территориальную целостность других стран» [5]. Можно сказать,

что данный сайт ориентирован как на китайских граждан, проживающих на территории России, так и на российских граждан, донося до них официальную позицию страны.

Однако аккаунты Посольства в Telegram и Вконтакте выполняют другую функцию. Через данные соцсети правительство Китая старается продвинуть позитивный имидж Китая и распространить китайскую культуру. Например, в Telegram канале Посольства КНР в РФ часто можно встретить посты о технологических достижениях Китая или информацию об экономических инициативах.

В сообществе в ВКонтакте, часто публикуются посты о различных культурных явлениях Китая. Интересно отметить, что на странице часто встречаются и посты с рецептами блюд китайской кухни, которая входит в список самых популярных и необычных кухонь мира и по праву считается культурным достоянием нации. Через подобные публикации правительство как раз и распространяет китайскую культуру, чтобы читатель стал ближе к данному феномену и заинтересовался страной.

На основе анализа постов можно отметить, что аккаунты Посольства в Telegram и Вконтакте больше направлены на широкую аудиторию и созданы для привлечения внимания к китайской культуре и распространения мягкой силы КНР на другие страны, в частности, на Россию.

Китай активно продвигает собственные платформы глобально как альтернативу западным: WeChat позиционируется как канал для диалога с диаспорой и иностранцами, интересующимися Китаем, TikTok становится ключевым инструментом мягкой силы среди молодежной аудитории, хотя и подвергается критике за цензуру и безопасность данных. Китайские СМИ, такие как CGTN и China Daily, имеют мощные англоязычные онлайн-присутствия и аккаунты в соцсетях.

Инициатива «Один пояс – один путь» имеет технологический компонент, заключающийся в продвижении «Цифрового шелкового пути». Как и основной инфраструктурный проект, инициатива заключается в финансировании строительства оптоволоконных кабелей, центров обработки данных, спутниковых сетей, смарт-городов в странах-партнерах по всему миру. Контроль инфраструктуры, безусловно, окажет влияние на информационные потоки, однако это не только китайская специфика, но и существующая практика работы, в том числе западных стран.

Электронная торговля. Цифровая трансформация мировой торговли, ускоренная пандемией, выдвинула Китай в авангард развития электронной коммерции. Ключевой стратегией Китая стало не только глобальное продвижение своих гигантов – «Alibaba», «Alibaba» и «JD.com», но и активное формирование и экспорт цифровых стандартов и инфраструктур, облегчающих трансграничную торговлю. Концепция «электронных коридоров» стала инструментом реализации этой стратегии, снижая барьеры и создавая интегрированные цифровые экосистемы под китайским влиянием.

«AliExpress» и «Alibaba» позиционируются как глобальные маркетплейсы, предлагающие огромный ассортимент товаров от китайских производителей напрямую потребителям и бизнесам по всему миру. Их сила – в масштабе, агрессивном маркетинге (особенно в развивающихся странах и Европе) и развитой логистической сети «Cainiao».

«JD.com» делает ставку на качество, скорость доставки и надежность цепочек поставок, активно развивает направление поставок для бизнеса и торговых сетей, а также эффективности логистики для повышения эффективности трансграничной торговли.

Китайские платформы становятся де-факто стандартом для доступа к китайскому рынку для иностранных продавцов и основным каналом для покупок китайских товаров за рубежом, формируя потребительские привычки и ожидания.

Инициатива «Цифрового шелкового пути» непосредственно связана с электронной торговлей: развитие цифровой инфраструктуры создает физическую основу для внедрения китайских стандартов, продажи и поставки производимых в КНР товаров [26].

Многосторонние форматы и лоббирование на государственном уровне. Активное участие КНР в международных организациях по стандартизации создает основу для лоббирования принятия китайских стандартов в ключевых областях цифровизации: стандартах связи, развитии искусственного интеллекта и пр. Политологические исследования отмечают высокий потенциал данного лоббирования [29]. В числе таких организаций – Международный союз электросвязи (International Telecommunication Union, ITU) – специализированное учреждение ООН, отвечающее за вопросы информационно-коммуникационных технологий и устанавливающее глобальные стандарты для телекоммуникаций, Международная организация по стандартизации (International Organization for Standardization, ISO) – независимая, неправительственная международная организация, разрабатывающая добровольные стандарты практически для всех отраслей промышленности и технологий (кроме электротехники, которая относится к Международной электротехнической комиссии (International Electrotechnical Commission, IEC), а также лоббирование интересов через форматы многостороннего сотрудничества БРИКС [4. С. 136-149]. Участие Китая (КНР) в ITU, ISO и IEC является стратегически важным, активным и все возрастающим, отражая амбиции страны стать глобальным лидером в области технологий и стандартизации. Участие координируется и стимулируется на государственном уровне через Министерство промышленности и информатизации и Стандартизационное управление Китая. КНР имеет одну из самых многочисленных делегаций в технических комитетах и рабочих группах всех трех организаций, также ключевую роль играют крупные китайские компании, такие как Huawei, ZTE, China Mobile, China Telecom, SGCC, CRRC, Alibaba, Tencent и др.

Участие КНР в ITU, ISO и IEC – глубокое, системное и стратегическое. Китай не просто принимает правила игры, он активно формирует их на глобальном уровне. Это проявляется в захвате лидерских позиций, например,

в председательство в ключевых технических комитетах организаций. Участие в международных организациях создает платформу для массового внедрения китайских технологий и патентов в стандарты 5G/6G, Smart Grid, блокчейн и пр. реализуются на практике активные попытки превратить китайские стандарты в международные и обеспечить совместимость глобальных стандартов с внутренним рынком.

Это участие является краеугольным камнем стратегии Китая по достижению технологического лидерства и усилению своего геополитического и геоэкономического влияния через стандартизацию.

Заключение. Цифровая дипломатия Китайской Народной Республики представляет собой масштабный, хорошо финансируемый и стратегически важный компонент ее внешнеполитического арсенала в XXI веке. Она является логическим продолжением эволюции китайской публичной дипломатии, усиленной мощью современных технологий и амбициями глобального лидерства. Китай демонстрирует значительную изобретательность и ресурсы в использовании цифровых инструментов – от дипломатии социальных сетей и глобального продвижения своих платформ до масштабных инфраструктурных проектов, таких как «Цифровой шелковый путь» и лоббирования технологических стандартов.

Ключевой особенностью китайской цифровой дипломатии является ее парадоксальный характер. С одной стороны, она активно использует открытые, глобальные платформы для распространения своих нарративов и установления связей с иностранной аудиторией. С другой стороны, ее фундамент зиждется на концепции «киберсуверенитета», предполагающей жесткий государственный контроль над информацией и неприятие внешнего вмешательства. Эта двойственность порождает фундаментальное противоречие: попытки Китая предстать открытым и привлекательным глобальным партнером сталкиваются с глубоким недоверием, вызванным его авторитарной внутренней практикой и экспортом технологий наблюдения. Стиль «боевой волчьей дипломатии» в социальных сетях, призванный демонстрировать силу и давать отпор критикам, часто приводит к обратному результату, усиливая негативное восприятие Китая в демократических странах.

Несмотря на значительные достижения, эффективность цифровой дипломатии КНР в достижении главной цели – формировании непротиворечивого позитивного глобального имиджа и подлинной мягкой силы – остается ограниченной. Основными препятствиями являются проблемы доверия, геополитическая конкуренция (особенно с США) и внутренние ограничения, накладываемые авторитарной системой.

В глобальном масштабе цифровая дипломатия Китая является мощным фактором трансформации международных отношений и глобального управления интернетом. Она активно способствует формированию многополярного цифрового ландшафта, где модель интернета, основанная на государственном контроле и суверенитете, бросает вызов традиционной либеральной модели. Успехи Китая в продвижении этой модели и его технологическая мощь делают

его ключевым игроком, чьи действия будут во многом определять будущее киберпространства и цифровых взаимодействий между государствами в ближайшие десятилетия. Изучение цифровой дипломатии КНР является не просто анализом одного инструмента внешней политики, а исследованием важнейшего аспекта борьбы за формирование нового мирового цифрового порядка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Булва В.И.** Институты сетевой дипломатии и глобальное управление в многополярном мире // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 6.
2. **Матвеева Д.В., Кузякин А.Г.** Цифровизация как инструмент «мягкой силы» КНР // Вопросы политологии. 2025. № 4.
3. **Махмуд А.Х.** Sharp power. Попытка западных авторов разделить мягкую силу на «свою» и «чужую» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4.
4. **Нарышкин А.А., Нарышкина А.А.** Цифровизация здравоохранения в странах БРИКС+ // Современная Европа. 2025. № 1 (129).
5. Официальный представитель МИД Китая: США не следует указывать Пекину, что такое уважать суверенитет и территориальную целостность других стран // Сайт посольства КНР в России // http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/fyrth/202202/t20220224_10645274.htm.
6. Официальный сайт посольства КНР в России // <http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/>.
7. Официальный сайт посольства КНР в США // <http://us.china-embassy.gov.cn/eng/>.
8. **Павлюченко А.А.** Сравнительный анализ цифровой дипломатии Соединенных Штатов Америки и Королевства Саудовская Аравия на современном этапе // Вопросы политологии. 2025. № 1.
9. **Пан Лу.** Стратегическая конкуренция КНР с США и индо-пакистанский конфликт в контексте многосторонней дипломатии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 2.
10. **Савельев Е.Д.** Новая публичная дипломатия как элемент внешней политики России на современном этапе // Вопросы политологии. 2025. № 2.
11. **Сигал Д.Е.** Дипломатия технологий: влияние американских ТНК на систему международных отношений в эпоху цифровой экономики // Вопросы политологии. 2025. № 2.
12. **Синчук Ю.В., Власов Б.Е., Огурцов А.Е.** Цифровая дипломатия как инструмент внешней политики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 4 (489).
13. **Сунь Исюань.** Международная дискурсивная власть Китая: анализ дипломатических стратегий через политическую риторику // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 12.

14. **Шарапов А.М.** «Острая сила» цифровой дипломатии США в отношении России в период первого президентства Д. Трампа // Вопросы политологии. 2025. № 2.
15. **Шемелин А.В., Гусевская Н.Ю.** Мягкая сила во внешней политике КНР // Научный альманах. 2017. № 9-1 (35).
16. **Шитьков С.В.** Цифровые технологии в практике публичной дипломатии: потенциал метавселенных в музейной дипломатии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 2.
17. **Чэнь Юн Та.** «Мягкая сила» Китая и политическое влияние // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 11.
18. **Цыбаков Д.Л., Штецберг А.М.** «Мягкая сила» России и Китая как направление международной гуманитарной политики: сравнительный анализ инструментов и результатов // Вопросы политологии. 2025. № 6.
19. **Цян Чун.** Сравнение сходств и различий в стратегиях цифровой дипломатии между Китаем, США и Россией // Вопросы политологии. 2025. № 4.
20. **Цян Чун.** Цифровая дипломатия и информационная безопасность: вызовы и меры противодействия // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 4.
21. **Элимхаджиев Р.** Информационное противоборство США и КНР по тайваньскому вопросу: стратегии, инструменты, эффективность // Вопросы политологии. 2025. № 4.
22. **Юрченко Е.Д., Киченко В.В.** Китайский туризм как фактор развития публичной дипломатии Хабаровского края // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 4.
23. **Brady A.** China's Foreign Propaganda Machine // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26. № 4.
24. Building A Community With A Shared Future For Mankind: A Chinese Answer To A Changing World // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2015 // https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zwbdt/202405/t20240530_11366080.html.
25. **Creemers R.** Cyber China: Upgrading Propaganda, Public Opinion Work and Social Management for the Twenty-First Century // Journal of Contemporary China. 2017. Vol. 26. № 103.
26. **Gordon D., Nouwens M.** The Digital Silk Road: China's Technological Rise and the Geopolitics of Cyberspace. 2023.
27. **Joske A.** The Party Speaks for You: Foreign Interference and the Chinese Communist Party's United Front System // Australian Strategic Policy Institute. 2020 // <https://www.aspi.org.au/report/party-speaks-you>.
28. Remarks by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China At the Opening Ceremony of the Second World Internet Conference // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2015 // https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyjh/202405/t20240530_11341037.html.
29. **Segal A.** China's Vision for Cyber Sovereignty // An emerging China-centric order. China's Vision for a New World Order in Practice. The national bureau of Asian

- researchю NBR special report № 87. 2020 // https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr87_aug2020.pdf.
30. **Shambaugh D.** China Goes Global: The Partial Power. Oxford: Oxford University Press, 2013.
 31. **Sun Y., Wu J., Liu C., Zhu Y.** Accelerating the Construction of an Innovative Country // Bulletin of Chinese Academy of Sciences. 2020. Vol. 35 № 6 // <https://bulletinofcas.researchcommons.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1247&context=journal>.
 32. **Walker C., Ludwig J.** From 'Soft Power' to 'Sharp Power': Rising Authoritarian Influence in the Democratic World // International Forum for Democratic Studies. 2017 // <https://www.ned.org/wp-content/uploads/2018/05/From-Soft-Power-to-Sharp-Power-Rising-Authoritarian-Influence-in-the-Democratic-World.pdf>.
 33. **Wübbeke J., Meissner M., Zenglein M.J., Ives J., Conrad B.** Made in China 2025: The making of a high-tech superpower and consequences for industrial countries // Mercator Institute for China Studies. 2016 // <https://merics.org/en/report/made-china-2025>.
 34. **Zeng J.** Narrating China's Belt and Road Initiative // Global Policy. 2019. Vol. 10. № 2.
 35. **Zhao K.** The Motivation Behind China's Public Diplomacy // The Chinese Journal of International Politics. 2015. Vol. 8. № 2.

A.S. PANIN

Postgraduate Student, Diplomatic Academy
Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia

DIGITAL DIPLOMACY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: STRATEGIES, TOOLS, AND CHALLENGES

This study provides a comprehensive analysis of the digital diplomacy of the People's Republic of China (PRC). It examines the conceptual foundations, key tools, strategic objectives, and challenges associated with China's use of digital technologies to advance its foreign policy interests. Particular attention is paid to theoretical approaches for understanding digital diplomacy within the Chinese context, practical examples (including social media activities, digital initiatives under the Belt and Road framework, promotion of technological standards, and the concept of «cyberspace sovereignty»). Specific focus is given to the strategic initiatives of the Belt and Road, Digital Silk Road, cybersecurity, and internet governance regulation. The study concludes by assessing the prospects and limitations of Chinese digital diplomacy amidst global shifts in the foreign policy environment.

Key words: digital diplomacy, PRC, public diplomacy, Digital Silk Road, social media, soft power, global internet governance.